

АРСЕНИЙ ОЛЕГОВИЧ ЛИСКОВ

магистрант второго курса Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-1600-0657; liskov2000@bk.ru

АННА ЕВГЕНЬЕВНА РОЗОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики
Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
annaneyolova@yandex.ru

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ
Е. ХАРИТОНОВА И Э. ЛИМОНОВА**

А н н о т а ц и я . Предлагается сравнительный анализ художественных стратегий репрезентации автобиографического героя в прозе Е. В. Харитонova и Э. В. Лимонова раннего периода творчества писателей. Актуальность и новизна исследования обусловлены неразработанностью настоящей проблемы и недостаточной изученностью наследия писателей в целом. В качестве предмета исследования выбраны образы главных героев центральных произведений в творчестве Харитонova (тексты сборника «Под домашним арестом», 1969–1981) и Лимонова (романы «Это я – Эдичка», 1976; «Дневник неудачника, или Секретная тетрадь», 1979), имеющих явно автобиографический характер. В результате сопоставительного анализа образов протагонистов и особенностей их репрезентации устанавливаются характерные сближения в реализации авторами экзистенциального конфликта русского интеллигента 1970-х годов, связанного с изображением героя маргинального типа, идентифицирующего себя в статусе «русского писателя», в условиях эмиграции (Лимонов) и в ситуации вынужденной творческой изоляции (Харитонов), выявляется динамика изменения формы автобиографических текстов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : автор, герой, протагонист, автобиографический текст, неофициальная литература, художественная репрезентация, Е. Харитонов, Э. Лимонов

Д л я ц и т и р о в а н и я : Лисков А. О., Розова А. Е. Художественные стратегии автобиографической прозы Е. Харитонova и Э. Лимонова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 1. С. 95–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1134

ВВЕДЕНИЕ

Творческое становление Е. В. Харитонova (1941–1981) и Э. В. Лимонова (1943–2020) происходило в одно время и в общих культурных условиях столичного подполья 1960-х годов. Однако достоверных сведений о прямых плодотворных контактах писателей, принадлежавших к обществу московской богемы, нет. Вероятно, Лимонов, активный участник неофициальной культурной жизни столицы, имел возможность читать и слушать произведения, впоследствии включенные Харитоновым в самиздатовский сборник «Под домашним арестом» (1981). Сведения о рецепции Харитоновым творчества Лимонова, покинувшего СССР в 1974 году, зафиксированы в поздней прозе Харитонova:

«Нет уж, по ср. с Лим., если на то пошло, если тоже крикнуть э т о я, я человек чурающийся улицы боящийся я никогда не водился со шпаной, я с детства живу в необыкновенной порядочности...» (Харитонов: 260–261)!

Яркие представители русской неподцензурной словесности, Лимонов и Харитонов, прежде сравнительно позднего дебюта в прозе утвердившиеся на поэтическом поприще, демонстрируют явные сближения в аспекте реализации писательских и жизнетворческих программ. Так, прозаическое (после 1974 года) творчество Лимонова носило явно игровой, мистификационный и вместе с тем регистрирующий характер. Выстраивание собственной мифологии, последовательное конструирование уникального художественного имиджа и фиксация мирозерцания «под-

польного» советского интеллигента 1970-х годов входили в намерение Харитонов, руководили им в процессе создания книги «Под домашним арестом». Кроме того, сама эволюция творческой биографии писателей, происходящая в движении от поэзии к автобиографической прозе и на поздних этапах тяготеющая к публицистике, выявляет множество показательных подобий.

Наследие писателей долгие годы оставалось вне поля интенсивного научного исследования. Активное освоение текстов Э. В. Лимонова отечественными учеными началось только в 2000-е годы, в том числе в компаративном ракурсе [10]. Научная библиография, посвященная главным образом поздней прозе и публицистике писателя, достаточно обстоятельна. Поскольку публикация текстов Е. В. Харитонova в полном объеме состоялась сравнительно поздно (в 1993 и 2005 годах), интенсивная литературно-критическая рецепция и научное изучение его произведений российской филологией началось недавно. Тем не менее в последнее десятилетие наблюдается возрастание исследовательского интереса к творчеству Харитонova [6], [8].

Проблема изображения человека в произведении художественной словесности широко разработана в трудах Л. Я. Гинзбург [5], М. М. Бахтина [1], В. В. Виноградова [3], Б. О. Кормана [7]. Теория М. М. Бахтина об эстетических инстанциях автора и героя изложена в незавершенной работе «Автор и герой», где ученый рассматривает инстанции, присутствующие в «мире художественного видения», и различает «автора первичного» (личность пишущего), «автора вторичного» (его образ в тексте) и героя. Последний воплощает в себе определенный «комплекс представлений о человеке» [5: 5] и конституируется волей автора-«зрителя», организующего текст [1: 208]. Бахтинская теория лежит в основании всех последующих исследований этого вопроса. По Корману, герой и система его внутритекстовых отношений воплощают концепцию авторской действительности [7: 149], являясь или «субъектом речи» (герой-повествователь), порождаемой «субъектом сознания» (автором), или ее «объектом» (персонажем) [7: 174].

Использование сравнительного метода в изучении творчества писателей, уже имевшее место в отечественном литературоведении (конкретно – в рассмотрении сходных практик и форм эпатирования читателя [2: 150–158]), позволяет отчетливее раскрыть индивидуальные особенности поэтики авторов и в то же время помогает выявить характерные черты литературной и социальной среды, формировавшей художественное и экзистенциальное самосознание писателей,

а также определить отраженные в их творчестве тенденции русской неофициальной литературы 1970-х годов.

* * *

В качестве основных объектов исследования нами выбраны романы Э. В. Лимонова «Это я – Эдичка» (1976) и «Дневник неудачника, или Секретная тетрадь» (1979), повесть Е. В. Харитонova «Духовка» (1969), а также ряд тематически и стилистически примыкающих к ней сочинений последнего, написанных в 1970-е годы. Важно отметить, что повесть Харитонova следует рассматривать в контексте сборника «Под домашним арестом» (1981) в качестве текста, открывающего концептуально целостную и композиционно продуманную книгу, подготовленную автором для первой официальной публикации за границей.

При сопоставлении лимоновских и харитоновских текстов на поверхности оказывается прежде всего их автобиографичность: художественная репрезентация и рефлексия действительных событий авторской биографии (провинциальное детство и юность, переезд в столицу, профессиональные занятия и карьерные обстоятельства и т. д.), насыщенность деталями быта (советского и эмигрантского), фиксация реальных исторических событий, широкий круг персонажей, имеющих действительные прототипы. Характерной особенностью творческой практики писателей было сближение инстанций «автора вторичного» (образа писателя в тексте) и героя.

Важнейшим сюжетобразующим стержнем произведений Лимонова и Харитонova является экзистенциальный конфликт, прежде всего любовный и «профессиональный», резонирующий с рядом частных коллизий и находящийся в отношениях взаимной определенности с конфликтом неустойчивой *самоидентификации* героя. Если первый связан с репрезентацией «вечно-го» сюжета взаимоотношений полов, то второй оказывается следствием профессиональной и социальной природы персонажей. Любовный конфликт в текстах эмигранта Лимонова («Это я – Эдичка») и «подпольного» писателя Харитонova («Духовка») реализуется в сюжете перемещения, обращенного в скитание, *одиссею* героя. Покинутый герой Лимонова находится в напрасных поисках утраченной возлюбленной, на протяжении романа совершая непрерывные перемещения. Поиск потерянной Елены (супруги героя) проецируется на тоску Эдички по Родине.

Исследованию сюжета перемещения / хождения Эдички в городском пространстве посвящена работа А. А. Конакова, в которой автор

доказывает ведущее конструктивное значение этого элемента в структуре романа². Добавим к сказанному, что путь лимоновского протагониста «по пересеченной местности» географически линейен, включает в себя типичные локации г. Нью-Йорка (Манхэттен, Центральный парк и примыкающие к нему авеню, Даунтаун и др.), при этом *мысль* Эдички (и неудачника) непрестанно возвращается в прошлое (по единой и мало изменяемой траектории), взгляд героев в значительной степени ретроспективен, обращен к топосам советской, уже – провинциальной украинской действительности (детство автора прошло в Харькове и его окрестностях). В поисках утраченной идентичности (русского поэта) «главный пешеход города Нью-Йорка», как именует себя герой, физически преодолевает громадные расстояния. Отнюдь не случайна параллель с сюжетом странствия Одиссея, позднее проведенная автором: лимоновский герой ищет возвратных путей к «Итаке», сознавая несущественность этого намерения.

Репрезентация харитоновского героя в повести «Духовка» также реализована в сюжете *хождения* героя «вокруг да около» предмета его чувственных влечений. Орбита его перемещения сужается и расширяется сообразно движению невротической, и потому многословной, «путано кружащейся» рефлексии. Модель средоточия, центростремительное кружение, череда тщательно, с маниакальной дотошностью продуманных вылазок от дома к дому и составляют содержание повести о так и не высказанной любви героя: стратегически точные перемещения из подмосковного дачного поселка в город и обратно в результате ни к чему не приводят. Любовный сюжет остается невоплощенным намерением героя, констатирующего свое одиночество:

«Значит, они насовсем уехали, и адрес не смогу записать, звонить предлагать нельзя, произведет только обратное действие. И три дня осталось до моего отъезда, а они сюда не приедут. И вот ведь, опять как в то прощание после солнечных дней лил дождь, как будто нарочно для грусти – после того прощания все дни было солнечно, в понедельник, когда в кино ходили, жарко было, а тут дождь и я один стою, народу нет в поселке, не попрагались даже, совсем разъехались» (Харитонов: 42).

Рефлексия героем «невозможной», несостоявшейся любви в следующих текстах писателя замыкается в «порочный круг» желаний и невозможности осуществления:

«Нет любви сладкой, с замиранием, невозможной. У привередливого меня. Квартира есть, вечер есть, лето есть, молодости есть немного, а гостя хорошего нет. Так и останется то воспоминание о 4-х месяцах. Все более и более неправдивое. Забывающее, что и тог-

да было не то. Нет, нет, то, уж это-то мне оставьте, думать что было, и оно было. Только вот мешало писанию и никак не соединяло в моей жизни одно с другим. Потому что с писанием моего рода ничто, что мешает жить одному, не соединится» (Харитонов: 299).

Герои Харитоновой и Лимонова – люди *пишущие*, и усложнением экзистенциального конфликта становится проблема творческой реализации героя. По своему положению в структуре советского и американского социума харитоновский и лимоновский герои принадлежат к маргинальному типу, широко представленному в литературе русского андеграунда 1970–2000-х годов. Герою такого типа, страдающему «от неправильно устроенного мира и потому живущему на пределе сил и возможностей», присуще «стремление обрести экзистенциальную свободу духа» [4: 92]. Общественный статус героев во многом детерминирован их профессиональными (творческими) амбициями. Так, харитоновский герой исходно позиционируется как «подпольный человек», а Эдичка и неудачник – поэты эмиграции. Протагонист первого романа Лимонова подчеркнута люмпенизирован. Освобождение лимоновского героя от советского идеологического императива в романах оборачивается коллизией *невостребованности* и *разочарования*. Произведения героя (статьи, манифесты, проза) оказываются отвергнуты как американскими коммерческими издательствами, так и сообществом русской литературной диаспоры, состоящей из деятелей советской культуры третьей волны эмиграции. «Выпавший из всех коллективов», герой-неудачник ищет чувства сообщества, причастности к общему делу, возможного в «секте» (Эдичка) или в террористической группе анархически настроенных революционеров («Может, я набреду на вооруженную группу экстремистов, таких же отщепенцев, как и я...»³).

Эксплицитная «несоветскость» образов автора и героя отличает и харитоновскую художественную индивидуальность. Проводимая и в жизни, и в репрезентации героя установка на эстетизм, формальные эксперименты с ориентацией на опыт европейского модернизма (Д. Джойс, М. Пруст) и русского Серебряного века (М. А. Кузмин, В. В. Розанов) противоречили советскому литературному канону. Заведомо ненормативные эстетические и мировоззренческие убеждения писатель репрезентирует в текстах манифестационного типа («Листовка», «Непечатные писатели»). Лимонов, синтезируя формы поэзии и прозы, создает поэму-манифест «Мы – национальный герой», в которой значительное место занимает *эстетическое оправ-*

дание образа героя. Манифестирующие пассажи сохраняются в качестве композиционного элемента его первых романов, см., например, в «Дневнике неудачника»:

«Эту цивилизацию нужно разрушить везде на Земле – и в России, и в Китае, и в Америке. Разрушить ее и объединить для этой цели всех, кто неудовлетворен... Мы говорим: “Наша цель – разрушение”...»⁴; «Они придут. Хулиганы и те, кто робок (робкие хорошо воюют) <...> Придут несчастливые в любви, деньгах и работе <...> Возьмут оружие и покончат с этим порядком навсегда»⁵.

Однако основной мотив художественной репрезентации героя в творчестве писателей различен, что проявляется, помимо прочего, в особенностях речевого портретирования протагонистов. Для Лимонова приоритетной является репрезентация эволюции лирического «Я», вложенного в образ автопсихологического героя инфантильного типа. Харитоновский герой, становящийся в самосознании *писателя*-«узоротворца», конструирует криптоязык («узор») своей прозы, использует прием «миниатюризации» [6: 40–47], меняет синтаксические и орфографические отношения в тексте, последовательно нарушает грамматическую норму, не считая нормированный язык официальной советской литературы (в том числе язык официальных советских «модернистов» В. П. Катаева и А. А. Вознесенского) достаточно адекватным содержанию своего творчества. Функцию стилистического и языкового «остранения» и эпатажа в романе Лимонова выполняет обценная идиоматика, грубая лексика, широкое употребление варваризмов. Стилистическое «снижение» отражает, с одной стороны, эмоциональное состояние «опустившегося на дно» человека, переживающего трудные процессы аккультурации, ассимиляции, социальной интеграции, с другой – подчеркивает отмежевание героя от «интеллигентов» диссидентской диаспоры и языка классической русской литературы; оправдывает солидарность и сознательное отождествление героя с «подонками» американского общества: преступниками, криминализованными элементами, бездомными, нелегальными мигрантами. Утверждению лимоновского героя в позе «плебея среди аристократов» [2: 154] в эволюции харитоновского протагониста аналогично усугубление исходного положения «еретика», отвергающего не только советский эстетический канон, но и авторитеты диссидентской культуры (Б. Л. Пастернака, названного «Пастерначишкой» (Харитонов: 286), М. И. Цветаевой и А. А. Ахматовой). Герой книги «Под домашним арестом» идентифицирует себя

«узоротворцем» и как бы «дважды диссидентом», исключенным из официальной советской культуры и обособленным в культуре столичного андеграунда:

«Поэт (писатель, узоротворец) тот кто дописался до своего узора, рынка на него нет или будет, теперь ему все равно, он только и может его ткать как заведенный. Все, его из этой его жизни уже не вытянешь. Так он там и будет жить и погибать» (Харитонов: 309–310).

Особый интерес в связи с репрезентацией героя представляет динамика формы лимоновского романа и харитоновских «художеств» (авторское определение). В 1970-е годы она движется от классического фабульного нарратива («Этот я – Эдичка») к псевдоэпистолярно, предполагающему большую интимность содержания, подчеркнутую автором в заглавии – «Дневник неудачника, или *Секретная тетрадь*». Кроме того, в текст «Дневника» включены стихотворные строфы героя-поэта, поэтические интерлюдии, повторяющие форму тургеневских стихотворений в прозе. Стилль Харитонova в произведениях 1970-х годов, написанных после «Духовки», тоже тяготеет к фрагментарности и жанровой синтетичности: так, повесть «Слезы об убитом и задушенном» (1978) состоит из нарративных периодов, абзацев-объявлений, стихотворных столбцов, «Роман» (1978) представляет собой опыт сопряжения эстетики визуальной, или конкретной, поэзии и прозы, выполненной в технике потока сознания, а текст «Слезы на цветах» (1980) включает, помимо исповедального монолога героя, написанного в дневниковой форме, конспект «романа»¹¹. Формальные эксперименты Харитонova отразили поиски литературных приемов разрешения экзистенциального конфликта фрустрированного сознания пишущего, во многом обусловленные биографическими обстоятельствами автора. Инстанция героя в значительной части произведений, написанных в 1970-е годы («Роман», «Слезы об убитом и задушенном», «Непьющий русский»), замещается транслирующим свое сознание «автором вторичным».

Идеологические разногласия Харитонova, его личностная и мировоззренческая несовместимость с официальным курсом советской России (неконвенциональность личных пристрастий, церковный монархизм леонтьевского толка, экстравагантность сексуальных убеждений, восходящих к метафизическим представлениям В. В. Розанова и П. А. Флоренского) и «эстетический», по словам автора, конфликт Лимонова с представителями государственных структур СССР (а затем и с писателями американской диаспоры) укрепляли маргинальное положение пи-

сателей. Формат «записок», или дневника, «подпольного человека» оказывается, таким образом, адекватен художественным интенциям как писателя-эмигранта (Лимонов), так и андеграундного автора метрополии (Харитонов).

«Исповедальность» монологов отчужденного и экзистенциально фрустрированного персонажа, порой граничащая с откровенным эксгибиционизмом, открывает возможность для типологического сближения фигур героев с образом «маленького человека», в свою очередь, выявляющего их генетическое родство, восходящее к литературному образу В. В. Розанова (1856–1919). Самопредставление автора-героя как «маленького человека», «смирненного, простого и крепкого», позволившее Розанову «восстать против самых великих и давних авторитетов» [9: 24], побуждает лимоновского героя (подчеркнуто беспомощного среди необозримых «билдингов», не находящего «любви») к бессильному и обреченному на поражение протесту. Харитоновский герой («жизнеспособный младенец»), напротив, возлагает надежды на Бога, государство («Да здравствует Сталин» (Харитонов: 263)) и особый, «цветочный» (и в силу своей уязвимости подзащитный у Бога) статус своего существования. Харитоновская мысль («А с нами Бог. Бог, вот этот, не какой-то» (Харитонов: 301)) согласуется с представлением Розанова:

«Большое само на себя надеется, и Бог ему не нужен и ненужный отходит от него. А маленькому куда деваться без Бога? И Бог с маленькими»⁶.

При этом «миниатюрному» и «незаметному» герою Харитонova и тщетно восстающему герою Лимонова присуще убеждение в своей *исключительности*, у Эдички выраженное в пресловутом нарциссизме

(«Белые штанины симметрично легли на тротуар. Обнажились деревянные босоножки. <...> А тонкие черные пальчики из-под ремней. Писатель. И челка густая и крылатые сложные волосы. И фигурка. <...> Привлекателен. Не то что бы красив. Но фигурка уж очень хороша. Да и мордочка тоже»⁷),

а в харитоновском протагонисте представляющее откровение собственной *избранности* (ср. из воспоминаний об авторе Д. А. Пригова: «Он жил в постоянном ощущении собственной избранности»⁸). Отраженное в текстах писателя осознание избранности, вероятно, является частным проявлением харитоновской концепции *богоизбранности*, мессианства русского народа:

«История, государство, Царь, Екатерина, Великая революция, Ленин и Сталин, новое дворянство, мощь развившегося государства...»; «А дальше пойти на вселенную, чтобы из глаза Спаса-Байконура вы-

летела ракета и выписывала в небесах слово Россия» (Харитонов: 283, 263).

Неслучайными представляются в этом свете уподобление героя, «непечатного писателя», Иоанну Богослову, автору «Откровения», завершающего раздела Священного Писания:

«Самый великий писатель с тех пор как земля попала в Созвездие Рыбы – Иоанн Богослов – никогда не издавался отдельно. Оба его сочинения мы знаем только по альманаху под названием Новый Завет» (Харитонов: 238).

Вместе с тем декларирующий «имперский» и «почвеннический» дискурс герой позиционирует себя как художника «уединенного слова», находящегося «под домашним арестом», определяет творческий процесс (и процесс *становления героя*) в категориях интимности.

Важным представляется еще один аспект самопрезентации автобиографического героя: образ героя у Лимонова и Харитонova неотделим от навязчивого страха физического одряхления и старости:

«Я хочу умереть молодым. <...> Не может быть Лимонова старого!»⁹; «Меня нельзя любить. Нельзя желать старые кости. И тело, полное мертвых клеток. В случае [во] мне могут любить душу или что там такое» (Харитонов: 323).

Харитоновская боязнь одиночества и отчужденности корреспондирует с навязчивой геронтофобией Эдички, у Лимонова предстающей обратной стороной культа юности, витализма, эстетизации физической силы и телесного здоровья, во многом сближающего художественное мировоззрение Лимонова с эстетическим представлениям Ю. Мисимы и Ж. Жене [10: 16–21, 69–70].

В этом свете «апология слабости» («Слабость это сила тончайшая, недоступная, невидимая тупому глазу, победа всегда за ней» (Харитонов: 328)), проводимая Харитоновым в текстах 1970-х годов, представляется полной противоположностью программе Лимонова, отраженной, например, в романе «Палач». Тем более лимоновской провокативности (заявленной уже в заглавии романа «Это я – Эдичка!») и всему последующему курсу на скандальность, эпатаж и саморекламу, маскирующему подлинные потребности покинутого героя, оказываются чужды харитоновские эстетизация и *манифестирование* «цветочности», «тепличности», «закрытости» существования («я забрался в раковину и никогда из нее не выйду» (Харитонов: 252)). Установки Харитонova обнаруживают реакцию автора и героя на социальную и юридическую уязвимость: в 1970-е годы

Харитонов, уже имеющий судимость по 121-й статье УК СССР, становится объектом пристального внимания КГБ, оказывается втянут в судебное разбирательство по делу об убийстве [6: 158–164]. Лимоновская мысль об искупительном восстании, лелеемая героями его романов, невозможна в душевном подполье харитоновского мира. Довлеющий над писателем дамоклов меч определяет сентимент и основную тональность исповеди героя – «маленького человека» советского подполья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, основанием для сближения творческих практик писателей послужило характерное для Лимонова и Харитонova проецирование в художественный текст обстоятельств собственной биографии, интерес писателей к маргинальным проявлениям экзистенциального опыта. В результате сравнительного анализа художественных стратегий писателей выяснилось, что конструирование образа протагониста отражает социальную природу и профессиональный статус автора – «подпольного» художника или писателя-эмигранта и достигается различными способами: переменой масок и амплуа (Лимонов), поведенческими девиациями героя или последовательным раскрытием и мифологизацией собственной идентичности (Харитонов) посредством трансформаций литературной формы автобиографических произведений. Динамической силой, позволяющей раскрыть образ героя, слу-

жит экзистенциальный конфликт, возникающий из-за невозможности социальной интеграции, реализации его профессиональных и любовных потенциалов. Конфликт, ядром которого является рефлексия героем своей отчужденности, отражает биографические обстоятельства авторов, находящихся в положении духовной и социальной изоляции внутри родной культурно-языковой среды (Харитонов) и вне ее (Лимонов).

Репрезентация героя в прозе Харитонova обнаруживает тенденцию к последовательному устранению границы между образом автора и героем; эта же особенность маркирует и литературную эволюцию Лимонова, демонстративно отождествляющего инстанции автора и героя («Это я – Эдичка»; «Подросток Савенко» (настоящая фамилия писателя. – *А. Л., А. Р.*); в позднем творчестве – «Дед», «Старик путешествует»). Художественную индивидуальность героя Харитонов определяет в категориях «сильной слабости», уязвимости, смиренной «подпольности», кропотливого труда «героя слабости», «ткущего» свой узор («в поэтических симпатиях мил мир бедных людей, страх Божий в людях, провинция, мечтательность, вечная печаль и слезы вместо действия»²⁴), и реализует этот сюжет в автобиографической прозе. Лимоновский протагонист-неудачник, напротив, радикализируется и от сентиментального пафоса исповедальности обращается к патетике революционной, провозглашает восстание «малых сих», долженствующее увенчаться «смертью героя».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Харитонов Е. В. Под домашним арестом: Собрание произведений. М.: Глагол, 2005. 560 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием в скобках фамилии автора и через двоеточие страницы.
- ² Конаков А. А. Бипедальная любовь // Горький [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gorky.media/context/bipedalnaya-lyubov/> (дата обращения 11.11.2024).
- ³ Лимонов Э. Это я – Эдичка: [Роман]. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. С. 358.
- ⁴ Лимонов Э. Дневник неудачника, или Секретная тетрадь: [Роман]. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. С. 137.
- ⁵ Там же. С. 257.
- ⁶ Розанов В. В. В Сахарне. Перед Сахарной. М.: Директ-Медиа, 2015. С. 62–63 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=416010> (дата обращения 11.12.2024).
- ⁷ Лимонов Э. Это я – Эдичка... С. 256–257.
- ⁸ Харитонов Е. Слезы на цветах: Сочинения: В 2 кн. Кн. 2: Дополнения и приложения / Сост., подгот. текстов и коммент. Ярослава Могутина, [Александра Шаталова]. М.: Журн. «Глагол», 1993. С. 88.
- ⁹ Лимонов Э. Дневник неудачника... С. 20.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
2. Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 352 с.
3. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971. 240 с.
4. Воробьева Е. С. Маргинал в русской литературе конца XX – начала XXI века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5. С. 91–98.
5. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л.: Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1979. 224 с.
6. Конаков А. А. Евгений Харитонов: Поэтика подполья. М.: Новое издательство, 2022. 270 с.
7. Корман Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск, 1992. 235 с.

8. Ларионов Д. В. Интерпретация жеста в повести Евгения Харитонова «Духовка» // Культура и искусство. 2018. № 7. С. 51–59.
9. Синявский А. Д. «Опавшие листья» В. В. Розанова. Париж: Синтаксис, 1982. 336 с.
10. Чанцев А. В. Бунт красоты: эстетика Юкио Мисимы и Эдуарда Лимонова. М.: Аграф, 2009. 192 с.

Поступила в редакцию 24.11.2024; принята к публикации 23.12.2024

Original article

Arseniy O. Liskov, Master's Student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-1600-0657; liskov2000@bk.ru

Anna E. Rozova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
annaneyolova@yandex.ru

ARTISTIC STRATEGIES OF YEVGENY KHARITONOV'S AND EDUARD LIMONOV'S AUTOBIOGRAPHICAL PROSE

Abstract. The article presents a comparative analysis of the artistic strategies employed by Yevgeny Kharitonov and Eduard Limonov in depicting the autobiographical heroes of their prose during the early stages of their writing careers. The relevance and originality of this study stem from the limited exploration of this topic and the overall insufficient examination of these authors' bodies of works. The focus of the analysis is on the central characters in Kharitonov's collection *Under House Arrest* (1969–1981) and Limonov's key novels *It's Me*, *Eddie* (1976) and *The Diary of a Loser; or the Secret Notebook* (1979), all of which possess a distinctly autobiographical nature. Through a comparative examination of the protagonists and the ways in which they are portrayed, the study identifies notable similarities in how both authors reflect the existential conflict faced by the Russian intelligentsia in the 1970s. This conflict is closely tied to the portrayal of a marginal hero who identifies as a "Russian writer", navigating the challenges of emigration (in Limonov's case) or forced creative isolation (in Kharitonov's case). The analysis also reveals the dynamics of changes in the form of the authors' autobiographical texts.

Keywords: author, hero, protagonist, autobiographical text, unofficial literature, artistic representation, Yevgeny Kharitonov, Eduard Limonov

For citation: Liskov, A. O., Rozova, A. E. Artistic strategies of Yevgeny Kharitonov's and Eduard Limonov's autobiographical prose. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(1):95–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1134

REFERENCES

1. Bakhtin, M. M. Author and hero: On the philosophical foundations of the humanities. St. Petersburg, 2000. 336 p. (In Russ.)
2. Berg, M. Literaturocracy. The problem of appropriation and redistribution of power in literature. Moscow, 2000. 352 p. (In Russ.)
3. Vinogradov, V. V. On the theory of artistic speech. Moscow, 1971. 240 p. (In Russ.)
4. Vorobyova, E. S. Marginal character in the Russian literature of the late 20th – early 21st centuries. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2014;5:91–98. (In Russ.)
5. Ginzburg, L. Ya. On the literary hero. Leningrad, 1979. 224 p. (In Russ.)
6. Konakov, A. A. Yevgeny Kharitonov: Poetics of the underground. Moscow, 2022. 270 p. (In Russ.)
7. Korman, B. O. Selected works on the theory and history of literature. Izhevsk, 1992. 235 p. (In Russ.)
8. Lariонов, Д. В. Interpretation of gestures in Yevgeny Kharitonov's short novel *The Oven*. *Culture and Art*. 2018;7:51–59. (In Russ.)
9. Sinyavsky, A. D. *Fallen Leaves* by V. V. Rozanov. Paris, 1982. 336 p. (In Russ.)
10. Chantsev, A. V. Revolt of beauty: the aesthetics of Yukio Mishima and Eduard Limonov. Moscow, 2009. 192 p. (In Russ.)

Received: 24 November 2024; accepted: 23 December 2024